

Межрегиональная олимпиада МПГУ для школьников Литература

Вариант 1

1. Проведите сопоставительный анализ стихотворений К.Н. Батюшкова «Мой гений» (1815г.) и А.С. Пушкина «Сожженное письмо» (1825). Выявите общую тему и определите сходства и различия в ее истолковании и художественных средствах ее воплощения.

МОЙ ГЕНИЙ	СОЖЖЕННОЕ ПИСЬМО
О, память сердца! Ты сильней Рассудка памяти печальной И часто сладостью своей Меня в стране пленяешь дальней. Я помню голос милых слов, Я помню очи голубые, Я помню локоны золотые Небрежно вьющихся власов. Моей пастушки несравненной Я помню весь наряд простой, И образ милый, незабвенный Повсюду странствует со мной. Хранитель гений мой – с любовью В утеху дан разлуке он: Засну ль? приникнет к изголовью И усладит печальный сон.	Прощай, письмо любви, прощай! Она велела... Как долго медлил я, как долго не хотела Рука предать огню все радости мои!.. Но полно, час настал: гори, письмо любви. Готов я; ничему душа моя не внемлет. Уж пламя жадное листы твои приемлет... Минуту!.. вспыхнули! пылают ... легкий дым, Виясь, теряется с молением моим. Уж перстня верного утрата впечатленья, Растопленный сургуч кипит... О провиденье! Свершилось! Темные свернулись листы; На легком пепле их заветные черты Белеют... Грудь моя стеснилась. Пепел милый, Отрада бедная в судьбе моей унылой, Останься век со мной на горестной груди...

2. Проанализируйте рассказ И.А. Бунина «Косцы» (1921). Какие черты лирической прозы проявляются в этом тексте? Какую роль играют здесь фольклорные образы?

КОСЦЫ

Мы шли по большой дороге, а они косили в молодом березовом лесу поблизости от нее - и пели.

Это было давно, это было бесконечно давно, потому что та жизнь, которой все мы жили в то время, не вернется уже вовеки.

Они косили и пели, и весь березовый лес, еще не утративший густоты и свежести, еще полный цветов и запахов, звучно откликался им.

Кругом нас были поля, глушь серединной, исконной России. Было предвечернее время июньского дня... Старая большая дорога, заросшая кудрявой муравой, изрезанная заглохшими колеями, следами давней жизни наших отцов и дедов, уходила перед нами в бесконечную русскую даль. Солнце склонялось на запад,

стало заходить в красивые легкие облака, смягчая синь за дальними извалами полей и бросая к закату, где небо уже золотилось, великие светлые столпы, как пишут их на церковных картинах. Стадо овец серело впереди, старик-пастух с подпаском сидел на меже, навивая кнут... Казалось, что нет, да никогда и не было, ни времени, ни деления его на века, на годы в этой забытой - или благословенной - богом стране. И они шли и пели среди ее вечной полевой тишины, простоты и первобытности с какой-то былинной свободой и беззаветностью. И березовый лес принимал и подхватывал их песню так же свободно и вольно, как они пели.

Они были "дальние", рязанские. Они небольшой артелью проходили по нашим, орловским, местам, помогая нашим сенокосам и подвигаясь на низы, на заработки во время рабочей поры в степях, еще более плодородных, чем наши. И они были беззаботны, дружны, как бывают люди в дальнем и долгом пути, на отдыхе от всех семейных и хозяйственных уз, были "охочи к работе", несознанно радуясь ее красоте и спорости. Они были как-то стариннее и добротнее, чем наши, - в обычае, в повадке, в языке, - опрятней и красивей одеждой, своими мягкими кожаными бахилками, белыми ладно увязанными онучами, чистыми портками и рубашами с красными, кумачовыми воротами и такими же ластовицами.

Неделю тому назад они косили в ближнем от нас лесу, и я видел, проезжая верхом, как они заходили на работу, пополуночавши: они пили из деревянных жбанов родниковую воду, - так долго, так сладко, как пьют только звери да хорошие, здоровые русские батраки, - потом крестились и бодро сбегались к месту с белыми, блестящими, наведенными, как бритва, косами на плечах, на бегу вступали в ряд, косы пустили все враз, широко, играючи, и пошли, пошли вольной, ровной чередой. А на возвратном пути я видел их ужин. Они сидели на засвежевшей поляне возле потухшего костра, ложками таскали из чугуна куски чего-то розового.

Я сказал:

- Хлеб-соль, здравствуйте.

Они приветливо ответили:

- Доброго здоровья, милости просим!

Поляна спускалась к оврагу, открывая еще светлый за зелеными деревьями запад. И вдруг, приглядевшись, я с ужасом увидел, что то, что ели они, были страшные своим дурманом грибы-мухоморы. А они только засмеялись:

- Ничего, они сладкие, чистая курятина!

Теперь они пели: "Ты прости-прощай, любезный друг!" - подвигались по березовому лесу, бездумно лишая его густых трав и цветов, и пели, сами не замечая того. И мы стояли и слушали их, чувствуя, что уже никогда не забыть нам этого предвечернего часа и никогда не понять, а главное, не высказать вполне, в чем такая дивная прелесть их песни.

Прелесть ее была в откликах, в звучности березового леса. Прелесть ее была в том, что никак не была она сама по себе: она была связана со всем, что видели, чувствовали и мы и они, эти рязанские косцы. Прелесть была в том несознаваемом, но кровном родстве, которое было между ими и нами - и между ими, нами и этим хлебородным полем, что окружало нас, этим полевым воздухом, которым дышали и они и мы с детства, этим предвечерним временем, этими облаками на уже

розовеющем западе, этим свежим, молодым лесом, полным медвяных трав по пояс, диких несметных цветов и ягод, которые они поминутно срывали и ели, и этой большой дорогой, ее простором и заповедной далью. Прелесть была в том, что все мы были дети своей родины и были все вместе и всем нам было хорошо, спокойно и любовно без ясного понимания своих чувств, ибо их и не надо, не должно понимать, когда они есть. И еще в том была (уже совсем не сознаваемая нами тогда) прелесть, что эта родина, этот наш общий дом была - Россия, и что только ее душа могла петь так, как пели косцы в этом откликающемся на каждый их вздох березовом лесу.

Прелесть была в том, что это было как будто и не пение, а именно только вздохи, подъемы молодой, здоровой, певучей груди. Пела одна грудь, как когда-то пелись песни только в России, и с той непосредственностью, с той несравненной легкостью, естественностью, которая была свойственна в песне только русскому. Чувствовалось - человек так свеж, крепок, так наивен в неведении своих сил и талантов и так полон песнью, что ему нужно только легонько вздохнуть, чтобы отзывался весь лес на ту добрую и ласковую, а порой дерзкую и мощную звучность, которой наполняли его эти вздохи. Они подвигались, без малейшего усилия бросая вокруг себя косы, широкими полукругами обнажая перед собою поляны, окашивая, подбивая округ пней и кустов и без малейшего напряжения вздыхая, каждый по-своему, но в общем выражая одно, делая по наитию нечто единое, совершенно цельное, необыкновенно прекрасное. И прекрасны совершенно особой, чисто русской красотой были те чувства, что рассказывали они своими вздохами и полусловами вместе с откликающейся далью, глубиной леса.

Конечно, они "прощались, расставались" и с "родимой сторонешкой", и со своим счастьем, и с надеждами, и с той, с кем это счастье соединялось:

Ты прости-прощай, любезный друг,

И, родимая, ах да прощай, сторонешка! -

говорили, вздыхали они каждый по-разному, с той или иной мерой грусти и любви, но с одинаковой беззаботно-безнадежной укоризной.

Ты прости-прощай, любезная, неверная моя,

По тебе ли сердце черней грязи сделалось! -

говорили они, по-разному жалуясь и тоскуя, по-разному ударяя на слова, и вдруг все разом сливались уже в совершенно согласном чувстве почти восторга перед своей гибелью, молодой дерзости перед судьбою и какого-то необыкновенного, всепрощающего великодушия, - точно встряхивали головами и кидали на весь лес:

Коль не любишь, не мил - бог с тобою,

Коли лучше найдешь - позабудешь! -

и по всему лесу откликалось на дружную силу, свободу и грудную звучность их голосов, замирало и опять, звучно гремя, подхватывало:

Ах, коли лучше найдешь - позабудешь,

Коли хуже найдешь - пожалеешь!

В чем еще было очарование этой песни, ее неизбывная радость при всей ее будто бы безнадежности? В том, что человек все-таки не верил, да и не мог верить, по своей силе и непочатости, в эту безнадежность. "Ах, да все пути мне, молодцу,

заказаны!" - говорил он, сладко оплакивая себя. Но не плачут сладко и не поют своих скорбей те, которым и впрямь нет нигде ни пути, ни дороги. "Ты прости-прощай, родимая сторонушка!" - говорил человек - и знал, что все-таки нет ему подлинной разлуки с нею, с родиной, что, куда бы ни забросила его доля, все будет над ним родное небо, а вокруг - беспредельная родная Русь, гибельная для него, балованного, разве только своей свободой, простором и сказочным богатством. "Закатилось солнце красное за темные леса, ах, все пташки приумолкли, все садились по местам!" Закатилось мое счастье, вздыхал он, темная ночь с ее глушью обступает меня, - и все-таки чувствовал: так кровно близок он с этой глушью, живой для него, девственной и преисполненной волшебными силами, что всюду есть у него приют, ночлег, есть чье-то заступничество, чья-то добрая забота, чей-то голос, шепчущий: "Не тужи, утро вечера мудренее, для меня нет ничего невозможного, спи спокойно, дитятко!" - И из всяческих бед, по вере его, выручали его птицы и звери лесные, царевны прекрасные, премудрые и даже сама Баба-Яга, жалевшая его "по его младости". Были для него ковры-самолеты, шапки-невидимки, текли реки молочные, таились клады самоцветные, от всех смертных чар были ключи вечно живой воды, знал он молитвы и заклятия, чудодейные опять-таки по вере его, улетал из темниц, скинувшись ясным соколом, о сырую Землю-Мать ударившись, заступали его от лихих соседей и ворогов дебри дремучие, черные топи болотные, пески летучие - и прощал милосердный бог за все посвисты удалые, ножи острые, горячие...

Еще одно, говорю я, было в этой песне - это то, что хорошо знали и мы и они, эти рязанские мужики, в глубине души, что бесконечно счастливы были мы в те дни, теперь уже бесконечно далекие - и невозвратимые. Ибо всему свой срок, - миновала и для нас сказка: отказались от нас наши древние заступники, разбежались рысучие звери, разлетелись вещие птицы, свернулись самобранные скатерти, поруганы молитвы и заклятия, иссохла Мать-Сыра-Земля, иссякли животворные ключи - и настал конец, предел божьему прощению.

Париж. 1921

3. Как Вы понимаете следующее высказывание В.Гюго: «У истории нет корзины для мусора»? Сформулируйте и обоснуйте свою точку зрения. (Объем письменного ответа не менее 150 слов).
4. Приведите пример сонета в русской поэзии (автор, название).
5. Какие художественные приемы использует автор для усиления сатирического эффекта в данном фрагменте текста? Перечислите эти приемы. Назовите автора и произведение.

... Другое происшествие, недавно случившееся, было следующее: казенные крестьяне сельца Вшивая-спесь, соединившись с таковыми же крестьянами сельца Боровки, Задирайлово тож, снесли с лица земли будто бы земскую полицию в лице заседателя, какого-то Дробяжкина...

6. Кому принадлежат эти крылатые выражения? Назовите авторов.

1. ...Но, может быть, поэзия сама –

Одна великолепная цитата.

2. ... Все это было бы смешно,

Когда бы не было так грустно.

3. ...Есть упоение в бою,

И бездны мрачной на краю,

И в разъяренном океане...

Москва, 2009 г.

1. Проанализируйте стихотворение М.Ю. Лермонтова «Пусть я кого-нибудь люблю...» (1831). Выявите в нем черты романтизма. Какой основополагающий для творчества М.Ю. Лермонтова прием проявляется здесь удивительно ярко?

Пусть я кого-нибудь люблю:
Любовь не красит жизнь мою.
Она, как чумное пятно
На сердце, жжет, хотя темно;
Враждебной силою гоним,
Я тем живу, что смерть другим:
Живу - как неба властелин –
В прекрасном мире - но один.

2. Проанализируйте рассказ В.М.Шукшина «Крепкий мужик» (1969-1970). Определите и прокомментируйте способы выражения авторской позиции; особое внимание уделите приемам психологического анализа поведения и характера героя.

Крепкий мужик

В третьей бригаде колхоза "Гигант" сдали в эксплуатацию новое складское помещение. Из старого склада - из церкви - вывезли пустую вонючую бочкотару, мешки с цементом, сельповские кули с сахаром-песком, с солью, вороха рогожи, сбрую (коней в бригаде всего пять, а сбруи нашито на добрых полтора десятка; оно бы ничего, запас карман не трет, да мыши окаянные... И дегтярили и химией обсыпали сбрую - грызут), метлы, грабли, лопаты... И осталась она пустая, церковь, вовсе теперь никому не нужная. Она хоть небольшая, церковка, а оживляла деревню (некогда сельцо), собирала ее вокруг себя, далеко выставляла напоказ.

Бригадир Шурыгин Николай Сергеевич постоял перед ней, подумал... Подошел к стене, поколупал кирпичи подвернувшимся ломиком, закурил и пошел домой.

Встретившись через два дня с председателем колхоза, Шурыгин сказал:

- Церква-то освободилась теперь...

- Ну.

- Чего с ней делать-то?

- Закрой, да пусть стоит. А что?

- Там кирпич добрый, я бы его на свинарник пустил, чем с завода-то возить.

- Это ее разбирать - надо пятерым полмесяца возиться. Там не кладка, а литье. Черт их знает, как они так клали!

- Я ее свалю.

- Как?

- Так. Тремя тракторами зацеплю - слетит как миленькая.

- Попробуй.

В воскресенье Шурыгин стал пробовать. Подогнал три могучих трактора... На разной высоте обвели церковку тремя толстыми тросами, под тросы – на углах и посреди стены - девять бревен...

Сперва Шурыгин распоряжался этим делом, как всяким делом, - крикливо, с матерщиной. Но когда стал сбегаться народ, когда кругом стали ахать и охать, стали жалеть церковь, Шурыгин вдруг почувствовал себя важным деятелем с неограниченными полномочиями. Перестал материться и не смотрел на людей - вроде и не слышал их и не видел.

- Николай, да тебе велели али как? - спрашивали. - Не сам ли уж надумал?

- Мешала она тебе?!

Подвыпивший кладовщик, Михайло Беляков, полез под тросами к Шурыгину.

- Колька, ты зачем это?

Шурыгин всерьез затрясся, побелел:

- Вон отсудова, пьяная харя!

Михайло удивился и попятился от бригадира. И вокруг все удивились и примолкли. Шурыгин сам выпивать горазд и никогда не обзывался "пьяной харей". Что с ним?

Между тем бревна закрепили, тросы подровняли... Сейчас взревет тракторы, и произойдет небывалое в деревне - упадет церковь. Люди постарше все крещены в ней, в ней отпевали усопших дедов и прадедов, как небо привыкли видеть каждый день, так и ее...

Опять стали раздаваться голоса:

- Николай, кто велел-то?

- Да сам он!.. Вишь, морду воротит, черт.

- Шурыгин, прекрати своевольничать!

Шурыгин - ноль внимания. И все то же сосредоточенное выражение на лице, та же неподкупная строгость во взгляде. Подтолкнули из рядов жену Шурыгина, Кланьку... Кланька несмело - видела: что-то непонятное творится с мужем - подошла.

- Коль, зачем свалить-то хочешь?

- Вон отсудова! - велел и ей Шурыгин. - И не лезь!

Подошли к трактористам, чтобы хоть оттянуть время - побежали звонить в район и домой к учителю. Но трактористам Шурыгин посулил по бутылке на брата и наряд "на исполнение работ".

Прибежал учитель, молодой еще человек, уважаемый в деревне.

- Немедленно прекратите! Чье это распоряжение? Это семнадцатый век!..

- Не суйтесь не в свое дело, - сказал Шурыгин.

- Это мое дело! Это народное дело!.. - учитель волновался, поэтому не мог найти сильные, убедительные слова, только покраснел и кричал. - Вы не имеете права! Варвар! Я буду писать!..

Шурыгин махнул трактористам... Моторы взревели. Тросы стали натягиваться. Толпа негромко, с ужасом вздохнула. Учитель вдруг сорвался с места, забежал с той стороны церкви, куда она должна была упасть, стал под стеной.

- Ответишь за убийство! Идиот...

Тракторы остановились.

- Уйди-и! - заревел Шурыгин. И на шее у него вспухли толстые жилы.

- Не смей трогать церковь! Не смей!

Шурыгин подбежал к учителю, схватил его в беремя и понес прочь от церкви. Щуплый учитель вырывался как мог, но руки у Шурыгина крепкие.

- Давай! - крикнул он трактористам.

- Становитесь все под стену! - кричал учитель всем. - Становитесь!..

Они не посмеют! Я поеду в область, ему запретят!..

- Давай, какого!.. - заорал Шурыгин трактористам.

Трактористы усунулись в кабины, взялись за рычаги.

- Становитесь под стену! Становитесь все!..

Но все не двигались с места. Всех парализовало неистовство Шурыгина. Все молчали. Ждали.

Тросы натянулись, заскрипели, затрещали, зазвенели... Хрустнуло одно бревно, трос, врезавшись в угол, запел балалаечной струной. Странно, что все это было хорошо слышно - ревели же три трактора, напрягая свои железные силы. Дрогнул верх церкви... Стена, противоположная той, на которую сваливали, вдруг разодралась по всей ширине... Страшная, черная в глубине, рваная щель на белой стене пошла раскрываться. Верх церкви с маковкой поклонился, поклонился и ухнул вниз.

Шурыгин отпустил учителя, и тот, ни слова не говоря, пошел прочь от церкви.

Два трактора еще продолжали скрести гусеницами землю. Средний по высоте трос прорезал угол и теперь без толку крошил кирпичи двух стен, все глубже врезаясь в них. Шурыгин остановил тракторы. Начали по новой заводить тросы.

Народ стал расходиться. Остались самые любопытные и ребяташки. Через три часа все было кончено. От церкви остался только невысокий, с неровными краями остов. Церковь лежала бесформенной грудой, прахом. Тракторы уехали.

Потный, весь в пыли и известке Шурыгин пошел звонить из магазина председателю колхоза.

- Все, угорела! - весело закричал в трубку.

Председатель, видно, не понял, кто угорел.

- Да церква-то! Все, мол, угорела! Ага. Все в порядке. Учитель тут пошумел малость... Но! Учитель, а хуже старухи. Да нет, все в порядке. Гробанулась здорово! Покрошилось много, ага. Причем они так: по три, по четыре кирпича - кусками. Не знаю, как их потом долбать... Попробовал ломиком - крепкая, зараза. Действительно, литье! Но! Будь здоров! Ничего.

Шурыгин положил трубку. Подошел к продавщице, которую не однажды подымал ночами с постели - кто-нибудь приезжал из района рыбачить, засиживались после рыбалки у бригадира до вторых петухов.

- Видела, как мы церкву уговорили? - Шурыгин улыбался, довольный.

- Дурацкое дело нехитрое, - не скрывая злости, сказала продавщица.

- Почему дурацкое? - Шурыгин перестал улыбаться.

- Мешала она тебе, стояла?

- А чего ей зря стоять? Хоть кирпич добудем...

- А то тебе, бедному, негде кирпич достать! Идиот.

- Халява! - тоже обозлился Шурыгин. - Не понимаешь, значит, помалкивай.

- Разбуди меня еще раз посередь ночи, разбуди, я те разбужу! Халява... За халяву-то можно и по морде получить. Дам вот счас гирькой по кумполу, узнаешь халяву.

Шурыгин хотел еще как-нибудь обозвать дуру продавщицу, но подошли вездесущие бабы.

- Дай бутылку.

- Иди промочи горло-то, -заговорили сзади. - Пересохло.

- Как же - пыльно!

- Руки чесались у дьявола...

Шурыгин поглядывался строго на баб, но их много, не перекричать. Да и злость их - какая-то необычная: всерьез ненавидят. Взял бутылку, пошел из магазина. На пороге обернулся, сказал:

- Я вам прижму хвосты-то!

И скорей ушел.

Шел, злился: "Ведь все равно же не молились, паразитки, а теперь хай устраивают. Стояла - никому дела не было, а теперь хай подняли".

Проходя мимо бывшей церкви, Шурыгин остановился, долго смотрел на ребяташек, копавшихся в кирпичах. Смотрел и успокаивался. "Вырастут, будут помнить: при нас церкву свалили. Я вон помню, как Васька Духанин с нее крест своротил. А тут - вся грохнулась. Конечно, запомнят. Будут своим детишкам рассказывать: дядя Коля Шурыгин зацепил тросами и... - Вспомнилась некстати продавщица, и Шурыгин подумал зло и непреклонно: - И нечего ей стоять, глаза мозолить".

Дома Шурыгина встретили форменным бунтом: жена, не приготовив ужина, ушла к соседям, хворающая мать заругалась с печки:

- Колька, идол ты окаянный, грех-то какой взял на душу!.. И молчал, ходил, молчал, дьяволина... Хоть бы заикнулся раз - тебя бы, может, образумили добрые люди. Ох горе ты мое горькое, теперь хоть глаз не кажи на люди. Проклянут ведь тебя, проклянут-ут! И знать не будешь, откуда напасти ждать: то ли дома окочурисся в одночасье, то ли где лесиной прижмет невзначай...

- Чего эт меня проклинать-то возьмутся? От нечего делать?

- Да грех-то какой!

- Ваську Духанина прокляли - он крест своротил? Наоборот, большим человеком стал...

- Тада время было другое. Кто тебя счас-то подталкивал - рушить ее? Кто? Дьявол зудил руки... Погоди, тебя ишо сама власть взгреет за это. Он вот, учитель-то, пишет, сказывали, он вот напишет куда следоват - узнаешь. Гляди-ко, тогда устояла матушка, так он теперь нашелся. Идол ты лупоглазый.

- Ладно, лежи хворай.

- Глаз теперь не кажи на люди...

- Хоть бы молиться ходили! А то стояла - никто не замечал...

- Почто это не замечали! Да, бывало, откуда ни идешь, а ее уж видишь. И как ни пристанешь, а увидишь ее - вроде уж дома. Она сил прибавляла...

- Сил прибавляла... Ходят они теперь пешком-то! Атомный век, понимаешь, они хватились церкву жалеть. Клуба вон нету в деревне - ни один черт не охнет, а тут - загоревали. Переживут!

- Ты-то переживи теперь! Со стыда теперь усохнешь...

Шурыгин, чтобы не слышать ее ворчанья, ушел в горницу, сел к столу, налил сразу полный стакан водки, выпил. Закурил. "К кирпичам, конечно, ни один дьявол не притронется, - подумал. - Ну и хрен с ними! Сгребу бульдозером в кучу и пусть крапивою зарастает".

Жена пришла поздно. Шурыгин уже допил бутылку, хотелось выпить еще, но идти и видеть злую продавщицу не хотелось - не мог. Попросил жену:

- Сходи возьми бутылку.

- Пошел к черту! Он теперь дружок тебе.

- Сходи, прошу...

- Тебя просили, ты послушал? Не проси теперь и других. Идиот.

- Заткнись. Туда же...

- Туда же! Туда же, куда все добрые люди! Неужели туда же, куда ты, харя необразованная? Просили, всем миром просили - нет! Вылупил шары-то свои...

- Замолчи! А то опояшу разок...

- Опояшешь! Тронь только, харя твоя бесстыжая!.. Только тронь!

"Нет, это, пожалуй, на всю ночь. С ума посходили все".

Шурыгин вышел во двор, завел мотоцикл... До района восемнадцать километров, там магазин, там председатель колхоза. Можно выпить, поговорить. Кстати, рассказать, какой ему тут скандал устроили... Хоть посмеяться.

На повороте из переулка свет фары выхватил из тьмы безобразную грудку кирпича, пахнуло затхлым духом потревоженного подвала.

"Семнадцатый век, - вспомнил Шурыгин. - Вот он, твой семнадцатый век! Писать он, видите ли, будет. Пиши, пиши".

Шурыгин надал газку... и пропел громко, чтобы все знали, что у него - от всех этих проклятий – прекрасное настроение:

Что ты, что ты, что ты, что ты!

Я солдат девятой роты,

Тридцать первого полка...

Оп, тирдар-пупия!

Мотоцикл вырулил из деревни, воткнул в ночь сверкающее лезвие света и помчался по накатанной ровной дороге в сторону райцентра. Шурыгин уважал быструю езду.

1969-1970

В.М.Шукшин

3. Как Вы считаете, нужна ли современному человеку поэзия? (Объем письменного ответа не менее 150 слов).

4. Приведите пример элегии в русской поэзии (автор, название, первая строка).

5. Какие художественные приемы использует автор для усиления сатирического эффекта в данном фрагменте текста? Перечислите эти приемы. Назовите автора и произведение.

... Слуга вошел и доложил о приезде председателя казенной палаты, сладкоглазого старика с сморщенными губами, который чрезвычайно любил природу, особенно в летний день, когда, по его словам, «каждая пчелочка с каждого цветочка берет взяточку...»

6. Кому принадлежат эти крылатые выражения? Назовите авторов.

1. ... Быть может, все в жизни лишь средство
Для ярко-певучих стихов...

2. ...Достигают счастья лишь в пути,
А не возле теплого камина!

3. ...С кого они портреты пишут?
Где разговоры эти слышат?

Москва, 2009г